

ния требует пояснений (с. 239). «Учения» Христа, Будды, наконец, Конфуция — это несомненные реальности, но представлять себе массовую религию, инспирированную определенной системой философских идей, как учение — правомерно ли это? Далее, положение о дезэтнизации поздних религий, несомненно, верно в отношении религиозных систем глобального диапазона, но те условия, в которых даже такие религии завоевывали для себя первых адептов, были обязательно связаны с определенной этнической средой. Более того, на примере буддизма мы сталкиваемся с явлениями вторичной и даже третичной этнизации религиозной системы (Китай, Япония, Тибет).

Заключает сборник статья Г. Е. Маркова «Структура и исторические типы образа жизни» (с. 244—261). Автор подробно анализирует определение понятия «образ жизни» — одного из кардинальных узловых терминов социологической науки; определяет его составляющие; характеризует взаимосвязь экономических, идеологических, социальных и духовных элементов и компонентов в этом сложном явлении, указывая, что их соединяют явления этнические (с. 245—246). В статье объясняется непосредственная связь между образом жизни и соответствующими общественно-экономическими формациями. Наиболее всестороннее выражение специфика образа жизни находит в «типах жизнедеятельности», которые представляют высшее звено в системе факторов, описывающих образ жизни: «он характеризует основные наиболее общие закономерности и признаки образа жизни всех обществ, принадлежащих к определенной общественно-экономической формации. Таким образом, определенному способу производства соответствует определенный тип жизнедеятельности» (с. 251). С таких позиций автор дает общую периодизацию образа жизни от первобытной эпохи до наших дней, переходя затем к конкретным характеристикам образа жизни в различные эпохи: по мере отдаления от первобытных эпох дифференциация форм образа жизни постепенно нарастает.

Разнообразие тематики, охватывающей значительный круг этнических и надэтнических проявлений культуры, смелость в постановке вопросов, широкий спектр проблем, получивших разрешение для различных этапов и узловых моментов этнической истории человечества, обращение к животрепещущим вопросам современности — все это представляет данный сборник статей как существенный вклад в развитие советской этнографической науки.

П. М. Кошкин

Б. В. Андрианов. Неоседлое население мира (историко-этнографическое исследование). М.: Наука, 1985. 280 с.

В советской этнографической литературе впервые появилось интересное и оригинальное исследование, в котором с позиций теории хозяйственно-культурных типов (ХКТ) и историко-этнографических областей рассматриваются практически все народы, чей образ жизни не связан с прочной земледельческой оседлостью. Автор рассматриваемого труда, известный советский этнограф Б. В. Андрианов, широко подошел к трактовке понятия «неоседлое население», включив в эту категорию как народы, добывающие средства к существованию посредством присваивающих отраслей хозяйственной деятельности (охоты, собирательства, рыболовства) и стоящие на разных уровнях первобытно-общинных отношений, так и скотоводов, чей социальный строй характеризуется достаточно высокой степенью имущественной и социальной стратификации и предклассовой общественной структурой.

Обсуждаемые в книге проблемы имеют не только большое научно-теоретическое, но, что хочется особо подчеркнуть, и важнейшее практическое значение. Как известно, во многих странах Зарубежной Азии, Африки, Океании, Америки да и в других областях мира обитает до настоящего времени известное число неоседлого населения, дальнейшая историческая судьба которого имеет существенное значение для многих развивающихся стран. С этой частью населения мира связаны процессы постепенного перехода народов, ведущих присваивающее хозяйство, к земледельческой оседлости, складывания классовых отношений, оседания еще многочисленных скотоводов, играющих и по сей день немаловажную роль в политической и экономической жизни ряда стран Азии, Северной и Восточной Африки. Эти процессы порождают в свою очередь многие, еще нерешенные теоретические и практические проблемы, как то: в каком направлении развивать дальше хозяйство — по пути интенсификации скотоводства или перевода кочевников на оседлость; по какому пути пойдет общественное развитие — по социалистическому, как считают прогрессивные ученые, или капиталистическому, к чему призывают буржуазные исследователи и политики.

Рецензируемая книга состоит из краткого Предисловия и Введения, после которых следуют два больших раздела, включающих ряд глав, заключение и указатели. Особенно хочется подчеркнуть ценность большого картографического материала, наглядно и убедительно иллюстрирующего рассматриваемые проблемы. В частности, особый интерес вызывают составленные автором книги карты форм подвижного неоседлого населения мира и типов сельского хозяйства Африки.

Во Введении автор определяет, что он понимает под термином «неоседлое население», и формулирует задачи книги, причем отмечает, что в центре его этнографического исследования находится рассмотрение форм годовой или сезонной подвижности, анализа обуславливающих подвижность факторов: уровня социально-экономического развития, характера традиционных занятий в конкретных природных условиях, различного их использования, этнических традиций (с. 5.)

Здесь же поднимаются важные вопросы, касающиеся проблем исторического развития ХКТ начиная с эпохи позднего палеолита (с. 10 и сл.) и, что особенно существенно, исторических перспектив их развития. Думается, что автор совершенно прав, когда отмечает бесперспективность прогрессивного развития ХКТ, основанных на присваивающих типах хозяйства (с. 9). Хочется также поддержать мнение Б. В. Андрианова о том, что «высокая степень специализации кочевников-скотоводов аридной зоны стала со временем как бы тормозом в развитии их общества» и что когда были исчерпаны все возможности ХКТ кочевников, началась их «вековая экономическая и культурная стагнация» (с. 16).

Важнейшие общетеоретические вопросы обсуждаются в первом разделе исследования, посвященном историографии и методологии изучения неоседлого населения. В первой главе этого раздела автор обобщает теоретические положения советских исследователей о ХКТ и историко-этнографических областях, их соотношении с географической средой — проблемы, в исследовании которых сам Б. В. Андрианов успешно принимает участие в течение многих лет. Подробно анализируя историю становления теории ХКТ (с. 17 и сл.), автор особо подчеркивает значение при этом картографирования (с. 21), а также подробно рассматривает как исторические, так и современные ХКТ. Видимо, Б. В. Андрианов прав, полагая, что все ХКТ могут быть объединены в три основные стадильно-типологические группы, которые различаются между собой все более высокой производительностью труда и нарастающей величиной прибавочного продукта. В числе этих групп названы ХКТ с преобладающей экономической ролью охоты, собирательства и отчасти рыболовства; ХКТ с motyжным (ручным) земледелием и скотоводством; ХКТ плужного (пахенного) земледелия с использованием тяговой силы домашних животных (с. 22). Автор подробно характеризует все ХКТ, составляющие перечисленные группы, а также многочисленные переходные типы. Очень важной представляется постоянно подчеркиваемая Б. В. Андриановым взаимосвязь ХКТ и географической среды, чему в этнографической литературе прошлых десятилетий не всегда уделялось достаточное внимание.

В свете многих дискуссий последних лет особенно интересна в теоретическом плане вторая глава, в которой рассматриваются формы подвижности неоседлого населения и проблемы типологии. Автор сумел собрать и удачно систематизировать существующие в литературе по этим вопросам данные, давая им собственную, достаточно аргументированную оценку. Целиком хочется поддержать мысль автора о неправомерности расширительного понимания терминов «кочевники» и «номады» (с. 41 и сл.), которые следует применять только по отношению к экстенсивному пастбищному скотоводству. При этом справедливо отмечается принципиальные различия между ХКТ, связанными с «бродячими» и «кочевыми» формами хозяйства (ср. с. 43). Весьма обстоятельно описывается неоседлое скотоводческое население, а также все признаки, характеризующие номадизм (с. 53 и сл.). Несомненного внимания заслуживает рассмотрение типологии скотоводческого хозяйства. Следует сказать, что Б. В. Андрианов прав, когда, говоря о типологии кочевничества, выступает против предположения о том, что так называемое «непрерывное кочевание» было характерной чертой «ранних кочевников» (с. 61). Не совсем, однако, ясна аргументация автора, когда, рассматривая одну из опубликованных систематик скотоводчества, он возражает против выделения в ней в качестве самостоятельного класса «военно-миграционного» образа жизни, обосновывая свое возражение тем, что этот класс систематики обращен «в прошлое и не совсем точно отражает современную ситуацию в традиционных обществах аридной зоны» (с. 77). Но ведь данная систематика в целом, в том числе и ее «военно-миграционный», класс, была предложена именно как историческая классификация, отражающая не только современное состояние, но и прошлое, в том числе классы скотоводства, которые некогда реально существовали, а затем исчезли.

Исключительно большой, тщательно систематизированный материал содержится во втором разделе книги, в котором рассматривается размещение и численность неоседлого населения, признаки его хозяйственной деятельности, особенности культуры. И здесь автор затрагивает важные и актуальные научные проблемы, и в частности еще мало разработанный вопрос об историко-этнографических ареалах.

В первой главе рассматриваемого раздела исследуется неоседлое население Африки, причем вполне обоснованно отмечается сохранение многих архаических черт в хозяйственно-культурных типах этого населения. В данной связи автор пишет, что на огромных пространствах африканских пустынь и сухих саванн продолжает обитать неоседлое население, занимающееся экстенсивным пастбищным скотоводством, причем кочевой или полукочевой образ жизни «способствует в определенных политических условиях сохранению архаических форм социальной организации», и что кочевой быт тормозит экономическое и культурное развитие этих групп населения (с. 91). С большой полнотой и обстоятельностью рассмотрены типы сельского хозяйства Африки, среди которых называются: натуральное, с «присваивающе-производящими формами»; основанное на ручном труде; с рабочим скотом (плужным земледелием); высокотоварное сельское хозяйство плантационного типа, а также их разновидности (с. 92 и сл.). Ценные данные сообщаются относительно хозяйственной деятельности неоседлого населения рассматриваемого региона. Требуется, пожалуй, только некоторого уточнения термин «малые кочевники» (употребляемый по отношению к берберам и туарегам) (с. 106), так как страницей раньше они называются «классическими кочевниками». В целом же описания хозяйственной деятельности африканских скотоводов выполнены весьма обстоятельно. Вместе с тем представляется, что их классификация требует еще дальнейшего уточнения. Так, в частности, нет полной ясности в таких определениях, как «оседло-кочевое», «кочевно-отгонное», «переменно-оседлое», «кочевно-оседлое» скотоводство, не совсем понятно, какое качественное различие существует между этими

хозяйственными типами. Представляется спорным утверждение, что кочевники-скотоводы самале (очевидно, здесь опечатка? — Г. М.) и земледельцы саб представляют собой различные этнические группы (с. 120). Непонятно также, почему о возрастных классах говорится только в связи с народом татога (с. 125), тогда как этот социальный институт представлен и у многих других этнических групп.

Богатством материала отличается глава, посвященная неоседлому населению Западной Азии. Здесь приводятся обстоятельные данные обо всех неоседлых народах этого региона, их хозяйстве и культуре. Попутно надо отметить, только не совсем, на наш взгляд, точное использование термина «афганцы» (с. 153—154). Это не этноним, а политическое понятие, охватывающее все многонациональное население Афганистана, состоящее из разных этнических групп.

Обильный фактический материал содержит глава о неоседлом населении Южной Азии. В ней скрупулезно рассмотрены ХКТ скотоводов на западе и севере этого региона, историческая динамика изменения хозяйственных типов у «племенного» населения тропических областей.

В главе о неоседлом населении Юго-Восточной Азии исследователь рассматривает ХКТ охотников и собирателей и «морских кочевников», описывает особенности их образа жизни и современные процессы, в ходе которых неоседлое население переходит постепенно к земледельческой оседлости.

Исследуя неоседлое население Восточной Азии, Б. В. Андрианов вполне закономерно уделяет особое внимание проблеме монгольского скотоводства. Несколько меньше говорится о тибетцах, хотя среди них существуют весьма различные по классам скотоводческие группы.

Положительно также могут быть оценены разделы, посвященные неоседлому населению Америки, Австралии и Зарубежной Европы. Но при рассмотрении последней, думается, следовало уделить несколько большее внимание карпато-балканскому скотоводству, которому в отличие от многократно упоминаемого цыганского уделяется немного места.

Принцип историзма, которого неуклонно придерживается в своей работе Б. В. Андрианов, особенно отчетливо проявился при анализе неоседлого населения СССР: олениводов, скотоводческих в прошлом народов Средней Азии и Казахстана.

Как уже отмечалось, достоинство книги — не только в огромном фактическом материале, собранном и систематизированном автором, но в не меньшей степени и в постановке теоретических и методологических проблем взаимодействия ХКТ и природной среды, типологии хозяйства, истории его развития. Многие из затрагиваемых Б. В. Андриановым вопросов еще составляют предмет дискуссии, но уже сама по себе — удачная в целом — попытка их решения значительно увеличивает ценность рецензируемого труда и одновременно вызывает желание вступить с его автором в спор по отдельным вопросам. Все это будит мысль и ведет к дальнейшему развитию нашей науки. В данной связи хочется затронуть некоторые проблемы, пуждающиеся, на наш взгляд, в дальнейшем обсуждении. Так, может вызвать сомнение целесообразность сведения в одну группу, объединенную термином «неоседлое население», принципиально различных по уровню социально-экономического развития и культуре народов, одни из которых еще ведут присваивающее, а другие высокоспециализированное производящее хозяйство. Рассмотрение их совместно в каждой из глав, посвященных отдельным регионам, несколько затушевывает существующие между ними социально-экономические и культурные различия.

Трудно, пожалуй, согласиться с предположением о том, что кочевнические общности всегда являлись частью оседло-земледельческих (с. 26). Против этого достаточно убедительно свидетельствует история хунну, многих «ранних кочевников» Сибири, монголов, казахов-адаевцев и др., частичная интеграция которых с оседлым населением происходила только в ходе завоевательных походов, причем следствием такой интеграции был переход кочевых скотоводов к оседлости и земледелию. Кстати, сам автор отмечает на с. 242 слабую связь верблюдоводов с орошаемым земледелием в оазисах.

Б. В. Андрианов не ставит в своем труде цель специально исследовать социальные отношения неоседлых народов. Однако в ряде случаев он затрагивает эту проблему, причем некоторые положения автора вызывают желание поспорить. Так, на с. 97, 117, 135, 136, 143, 156 и др. общественные отношения отдельных кочевых скотоводческих народов характеризуются как патриархально-феодалные. Однако убедительной аргументации в пользу такой точки зрения не приводится. Уже многократно приходилось отмечать, что если бы предводители кочевых групп были феодалами, т. е. сословием, монопольно владеющими средствами производства, то им не было бы никакой нужды в течение более чем тысячелетия маскировать формы эксплуатации — как указывает автор — «родоплеменными отношениями» (ср. с. 143). В книге постоянно отмечается наличие у кочевников «родоплеменной» общественной организации. Она же, по мнению К. Маркса, «...принадлежит к тем формам общественной жизни, которые в общем процессе исторического развития стоят на целую ступень ниже феодального строя, иными словами... относятся к патриархальному общественному строю» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8, с. 523).

В книге можно найти отдельные неточности. Так, нельзя согласиться с тем, что в Юго-Восточной Азии почти нет пастушеского скотоводства (с. 165). Как известно, оно довольно широко представлено на Мадуре. Требуя уточнения отдельные моменты, связанные с языковой классификацией. Остаются слабо разработанными многие аспекты теории хозяйственно-культурных типов. В своем настоящем виде она позволила автору успешно выделить в основном только крупные хозяйственные типы. Однако их более детальное членение, систематика отдельных отраслей хозяйства, особенно в связи со скотоводством, вызывают в некоторых случаях сомнение из-за отсутствия объектив-

ных и фундаментальных, к тому же сопоставимых для всех разделов классификации критериев. Это обстоятельство нашло отражение в некоторой нечеткости классификации типов и подтипов сельского хозяйства, в частности, Африки (с. 82, 93). Выделение некоторых из них вызывает известные возражения, недостаточно четки критерии, положенные в основу их разграничения.

Но в целом, несмотря на наличие отдельных неточностей, недостаточную разработанность некоторых проблем, связанных с хозяйственно-культурной типологией, рецензируемый труд представляет ценное исследование и является полезным вкладом в этнографическую науку. Рассмотренные Б. В. Андриановым проблемы имеют, как отмечалось, важное научное и практическое значение. Хотелось бы пожелать автору их дальнейшей успешной разработки, особенно в области фундаментальных вопросов, связанных с теорией хозяйственно-культурных типов.

Г. Е. Марков

НАРОДЫ СССР

Н. В. Юхнева. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Вторая половина XIX — начало XX века. Статистический анализ/Отв. редактор К. В. Чистов. Л.: Наука. 1984. 222 с.

Наше время характеризуется все более широким поиском на стыках наук и становлением новых научных дисциплин. В структуре современной этнографии также немало новых направлений, и разветвление наук продолжается. Подчас отдельная книга своим появлением может стимулировать целую цепь дальнейших изысканий.

Изучением городского населения в нашей стране больше всего занимается социологи и географы, причем для тех и других этнический аспект обычно имеет второстепенное значение. В зарубежных странах, прежде всего в США, где над проблемами крупных городов работает уже не одно поколение социологов, демографов, географов и культурологов, в потоке литературы также преобладают либо социологические исследования, либо детальные описания отдельных этнических общин. В советской этнографической науке изучение городского населения стало широко разворачиваться в послевоенные годы. Собран и опубликован обильный материал о культуре и быте горожан; огромный поток информации дают исследования в рамках новых направлений — этносоциологии, этногеографии, городской экологии. Тем не менее, комплексного этнодемографического описания населения большого многонационального города мы до сих пор не имели.

Именно к такого рода исследованиям можно отнести рецензируемую монографию Н. В. Юхневой о населении Петербурга. В структуру нашей этнографической науки она вводит большую тему, которую лучше всего назвать «исторической этнодемографией и этногеографией крупного города».

К числу несомненных достоинств книги Н. В. Юхневой мы относим прежде всего: комплексность историко-статистического анализа; глубину и оригинальность в использовании исходных статистических данных; взгляд на крупный город, столицу многонациональной империи в живой связи с его периферией и государством в целом.

Н. В. Юхнева, на наш взгляд, сумела найти форму комплексного этнодемографического описания, удачно соединив «общий» и «частный» уровни исследования. Достигается это за счет продуманного баланса между главами первой половины книги, где под разными углами рассматривается в целом население Петербурга, и шестью заключительными главами, посвященными отдельным этническим группам. При этом автор ставит (и решает!) проблему соотношения «общего» и «частного» снова и снова: рассматривая в целом население города и роль в нем всех важнейших этнических групп (глава 1), этническую специфику сословного и профессионального состава населения (глава 2) и, наконец, размещение основных этнических групп по территории города, в пределах его административных подразделений и установленных автором социально-бытовых зон (глава 4).

Петербург предстает перед читателем как город с преобладающе русским населением. Это коренные уроженцы столицы и недавние выходцы из ближних и более отдаленных губерний, крестьяне и мещане, дворяне и купцы, ремесленники и рабочие. Сменяются исторические напластования, меняется лицо города. Но Н. В. Юхнева, не ограничиваясь подробным социальным и региональным анализом русского населения Петербурга, скрупулезно исследует и его нерусские меньшинства, которые на протяжении рассматриваемого ею периода составляли около $\frac{1}{5}$ населения города. В духе научных традиций этнографии, автор пристально вглядывается не только в крупные, но даже и в сравнительно малые этнические группы, обычно игнорируемые другими специалистами в силу их численной «второстепенности». В книге показано, что каждая из этих малых групп внесла свой вклад в становление своеобразного облика Петербурга — Ленинграда.

Книга интересна для очень разных читателей: историк социальной структуры найдёт в ней богатые данные, извлеченные из обработанных автором городских переписей; демограф — опыт реконструкции этнического состава по неполным источникам; географ населения — материалы для изучения миграций; а любой ленинградец — разнообразные сведения об истории своего родного города.